

6+

ТАТЬЯНА FLEKSY

Легенды Нижнего Тагила

БАЙКИ СТАРОГО ШАМАНА

Татьяна Fleksy

**Легенды Нижнего Тагила.
Байки старого шамана**

«Издательские решения»

Fleksy T.

Легенды Нижнего Тагила. Байки старого шамана / Т. Fleksy —
«Издательские решения»,

«Легенды Нижнего Тагила» — это девять легенд о Нижнем Тагиле, рождённых на границе сна и памяти. Небесный Пояс, Золотая Хранительница, мастера металла, художники, хранящие свет в лаке, — все они складываются в единый образ города, где за заводским дымом скрыта древняя глубина. Автор возвращает Тагилу утраченное измерение: не промышленный город, а место, где небо однажды коснулось земли и оставило свой свет навсегда.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
О том, как я поняла, что всю жизнь жила внутри этой памяти	7
ЛЕГЕНДА ПЕРВАЯ	8
Как Небесный Пояс лёг на каменную спину земли	8
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	14
ЛЕГЕНДА ВТОРАЯ	16
Как Золотая Хранительница выбрала гору и оставила в ней свою силу	16
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	22
ЛЕГЕНДА ТРЕТЬЯ	24
Как скрытый свет камня стал родом	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Легенды Нижнего Тагила Байки старого шамана

Татьяна Fleksy

*Посвящается моему мужу Владимиру, первому слушателю
этих легенд, который верил в меня.*

© Татьяна Fleksy, 2026

ISBN 978-5-0070-6209-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

О том, как я поняла, что всю жизнь жила внутри этой памяти

Только теперь, когда книга дописана и после последней страницы меня наконец догнала тишина, я начала понимать одну простую и почти оглушающую вещь: всё это время я жила не рядом с этой памятью. Я жила внутри неё.

С детства я находилась внутри чего-то большего, чем отдельная человеческая жизнь, — внутри древней памяти этой земли. Тёмной, плотной, глубокой, местами суровой до немоты. Но теперь мне всё яснее кажется: в ней жила не одна только тяжесть. В ней с самого начала хранилось и что-то другое — тихое, укрытое, не любящее громких слов. Что-то, что не исчезло даже там, где, казалось бы, должны были остаться только камень, руда, гарь и усталость.

Когда ребёнком меня привезли в Качканар, я, конечно, ничего этого не понимала. Ребёнок вообще редко понимает, в каком месте его однажды ставит судьба. Он просто растёт, дышит данным ему воздухом, привыкает к очертаниям гор, к лесу, к тяжёлому небу, к молчанию, в котором иногда слышится больше, чем в разговорах. Потом жизнь несёт человека дальше — в заботы, возраст, дела. Но однажды замечаешь: есть места, которые не отпустили тебя, даже если ты давно ушла. Так у меня было с Нижним Тагилом.

Я полюбила его ещё в юности, когда училась здесь. И любовь эта с самого начала была упрямой, слишком личной и плохо объяснимой. Не за удобство я его любила. Не за мягкость. И уж точно не за репутацию. Сколько раз я слышала: тяжёлый, грязный, закопчённый, заводской город. И ведь нельзя сказать, что совсем без причины. Запах тагильских заводов входил в вагон ещё до остановки электрички — плотный, железный, горьковатый. Казалось бы, что тут любить?

Я любила тагильский драматический театр. До сих пор помню это особое напряжение в зале, когда кажется, что сцена держится не на декорациях, а на живом человеческом нерве. Любила и тагильский цирк — почти безрассудно, восторженно, всем сердцем. И теперь думаю: не случайно. Потому что Тагил умеет соединять то, что, кажется, не должно сходиться в одном месте: тяжесть металла и вспышку чуда, суровость и внутренний блеск, заводской дым и почти сказочную зрелищность.

Потом жизнь снова повернула, и однажды я уехала из Качканара в Тагил насовсем. Хотя могла — куда угодно. Тогда мне казалось: это моё решение. Теперь я знаю — не только моё. Я выбрала Тагил, но и он, видимо, выбрал меня. Я возвращалась туда, где должна была услышать то, что на протяжении всей жизни подходило ко мне всё ближе.

Меня как будто вели.

И только теперь, когда эта книга написана, я особенно ясно почувствовала, какую тяжесть держала в руках. Это была не игра в старый Урал. Это была глыба — древняя, тяжёлая, местами тёмная, а местами хранящая внутри не до конца угасшее свечение.

ЛЕГЕНДА ПЕРВАЯ

Как Небесный Пояс лёг на каменную спину земли

Он приходит ко мне не впервые.

Теперь я узнаю его ещё до того, как во сне вспыхнет огонь. Сначала меняется тишина — не исчезает, нет, а будто становится гуще, ближе. Словно сама ночь подвигается к изголовью и замирает рядом. Потом воздух в комнате тяжелеет, как перед древним словом, которое слишком долго ждало своего часа. И только тогда я чувствую его.

Старый шаман.

Тот самый, чей голос уже однажды принёс мне Лаю, потом Черноисточинск, потом Качканар. Я давно не спрашиваю, кто он такой. Во сне такие вопросы пусты. Есть вещи, которым не нужно имя. Они просто приходят — как память, как огонь, как долг.

Но в ту ночь он пришёл иначе.

Не с той каменной тяжестью, что стояла за рассказом о Качканаре. Не с тревожной глубиной Чёрного озера. На этот раз за ним шло что-то ещё более древнее.

Огонь уже горел. Шаман сидел по ту сторону пламени и смотрел не на меня — в самую сердцевину жара, туда, где красный свет истончается и становится почти белым. Я молчала. Он тоже молчал. Только сухо потрескивали угли.

Потом он сказал:

— Садись ближе. Не бойся. Сегодня будет большая легенда. Про то, с чего всё началось. Потому что прежде чем слушать Тагил, надо понять, что в него заложено.

Я придвинулась к огню.

Шаман кивнул, будто ждал именно этого, и заговорил — медленно, глуховато, как будто тянул слова не из памяти даже, а из самой глубины камня.

— Слушай, дочка. Слушай не одной головой. Голова любит спешить, а такие вещи торопливых не терпят. Слушай костью, кровью, спиной. Есть слова, которые входят не в ухо — в судьбу.

Когда мир был молод, земля ещё не умела быть твёрдой. Лежала сырой, тёплой, податливой, будто её только что вынули из ладоней великого бога. Не было ещё крепкого камня. Не было тяжёлой руды. Не было гор, которые теперь стоят так, словно стояли всегда. Вода дремала в низинах. Туман стлался по земле, как ещё не проснувшийся дух. Небо висело низко, почти рядом, и будто само ещё не решило, где ему жить — высоко над миром или прямо у его лица.

И над этим юным, неустоявшимся миром сидел Нуми-Торум.

Высоко сидел. Долго, молча смотрел вниз.

Старики говорили: в его доме свет не гаснет никогда. Не тот свет, что просто озаряет. Другой. Свет меры. Свет порядка. Свет, которым мир удерживается от распада. В чертогах Нуми-Торума хранятся не только судьбы живых существ, но и тот закон, по которому каждая вещь должна знать своё место: вода — течь, камень — держать, огонь — очищать, а тьма — не переходить рубеж.

Долго смотрел Нуми-Торум на землю.

А потом сказал:

— Сыра земля.

И ветер ответил ему:

— Сыра.

— Крепости в ней нет.

— Нет, — отозвались облака.

Тогда Нуми-Торум населил землю первыми сильными существами — отырами, богатырями древнего мира.

Высокие были отыры. Плечистые. Шаг у них был широкий, как речная пойма, а голос — будто валун катится по склону. Они слышали птицу в вышине и воду под глубокой породой. Могли стоять лицом к буре и не шуриться. Могли поднять дерево, как ребёнок поднимает ветку. Могли спорить с рекой и не уступать ей дорогу.

Сначала земля любила их. Ей нравилась их мощь. Нравилось, как под тяжёлой ступнёй просыпается почва, как от смеха дрожит воздух. Как жизнь идёт по молодой земле шумно, жадно, широко. Но сила без меры долго чистой не остаётся.

Сперва отыры мерились удалью. Потом — мощью. Потом уже не силой даже, а яростью. Там, где они спорили, осыпались берега. Там, где сходились в драке, молодая земля трескалась, будто сырое дерево в печи. Там, где они кричали в небо, птицы срывались с полёта.

А однажды они подняли головы кверху и крикнули так, что их голос дошёл до самого верхнего мира:

— Эй, небесный отец!

— Слышишь нас?

— Если ты сотворил землю — выйди и покажи, что сильнее нас!

Шаман на этих словах замолчал, будто и сам не хотел будить тот старый вызов. Потом провёл ладонью над огнём и тихо сказал:

— Не люблю я говорить о гневе небесных. От него даже во сне стынет под рёбрами. Но раз слушаешь — слушай до конца.

Нуми-Торум долго не отвечал.

А потом встал.

Сначала пришёл огонь. Не тот, у которого люди греют руки и сушат одежду. Другой. Белый. Чистый. Божественный. Такой огонь не утешает — такой огонь отделяет правду от гордыни, меру от распада, свет от тьмы. За ним пришла вода — большая, тяжёлая, священная. Она шла без жалости. Омывала землю, смывала ярость, уносила следы тех, кто забыл предел.

Где прошла вода, там стихал крик.

Где прошёл огонь, там кончалась хвальба.

Где коснулся свет, там мир снова вспоминал закон.

Когда всё умолкло, земля лежала тихая, чистая, ослабевшая — как человек после долгого плача.

И Нуми-Торум сказал:

— Сила без меры губит мир.

Ветер спросил:

— А что его спасёт?

И бог ответил:

— Свет, ставший мерой.

Шаман поднял на меня глаза. В зрачках его дрожал отблеск пламени.

— Запомни это слово, дочка. Мера. Но не думай, будто она бывает сама по себе. Мера рождается там, где свет сильнее гордыни. Где божественное не даёт тьме перейти черту. Всё самое важное здесь держится не просто на силе, а на свете, который силу удерживает в порядке.

После великого очищения Нуми-Торум ещё долго ходил по земле. Не как владыка, нет. Скорее как тот, кто знает: беда уходит не сразу. Иногда после неё остаётся незримая трещина. Через такую трещину тьма любит возвращаться.

И вот однажды он почувал тревогу. Тяжёлое, глухое тепло, идущее из-под земли. Не солнечное. Не живое. Не такое, какое бывает у хлеба, у зверя, у человеческой руки. Это было другое тепло — так дышит злоба, если слишком долго лежит в глубине и копится молча.

То дышал Куль-отыр — владыка нижней тьмы.

— Ты, может быть, думаешь, тьма всегда приходит с грохотом? — тихо сказал шаман. — С воем? С клыками? Ничего подобного. Самая страшная тьма поднимается тихо. Сперва греет камень изнутри. Потом шевелит корни. Потом начинает точить границы между мирами — не сразу, исподволь, будто её и нет. А когда люди опомнятся — она уже стоит у них в сердце.

Куль-отыр выбрал для себя длинный хребет — каменную спину земли, протянутую с севера на юг. Там мир был тоньше, чем в других местах. Там нижнее близко подступало к среднему. Там можно было пустить тёмную силу в самые жилы камня, а оттуда — дальше, по земле, по людям, по времени, незаметно, как яд расходится по крови.

Нуми-Торум остановился и прислушался.

Потом сказал:

— Здесь.

Облака спросили:

— Что здесь?

Он ответил:

— Здесь тьма хочет подняться выше меры.

— Что ты сделаешь, Небесный?

И тогда Нуми-Торум произнёс:

— То, что делает свет, когда мир стоит на краю распада. Я поставлю предел.

И он пошёл к тому месту. Где касалась земли его стопа, там выпрямлялась трава. Где он останавливался, там камень будто вспоминал, что ему пора твердеть. Мир под его шагом собирался, словно человек перед решающим словом — плечи прямо, дыхание тише, взгляд острее.

А хребет уже ждал.

Когда Нуми-Торум поднялся на вершину, земля под ним загудела. Даже не звуком — тяжестью. Так гудит порода, если в ней копится что-то слишком древнее, чтобы назвать это просто жаром. Из трещин тянулась тёмная сила. Шла паром. Шептала. Звала. Камень под ногами был горяч, будто внизу разжигали неведомую печь.

И тогда из глубины раздался голос Куль-отыра.

— Уйди, Нуми-Торум.

Голос был низкий, вязкий. Его хотелось не слушать — стряхнуть с себя, как болотную жижу.

— Это место будет моим. Здесь камень уже слушает меня. Здесь глубина дышит мне в ладонь. Здесь я поднимусь и протяну свою власть далеко — до самого края земли.

Нуми-Торум не кричал. Небесным не нужно кричать. Свет говорит иначе — так, что после него всё становится ясным.

Он сказал:

— Пока небо помнит землю, ты не выйдешь.

Куль-отыр засмеялся. И от этого смеха по трещинам пошла дрожь.

— Ты опоздал, небесный. Смотри. Камень уже разогрет мною. Трещины уже открыты. Люди однажды забудут. Духи устанут. Горы осыплются. И тогда я поднимусь.

Нуми-Торум ответил:

— Пока свет стоит на страже меры, тьма не станет законом.

— Кто удержит меня? — прошипел Куль-отыр. — Вода не удержала. Огонь не удержал. Сила земли — моя. Глубина — моя. Страх людской — тоже будет мой.

И тогда Нуми-Торум сказал то, от чего даже сам воздух натянулся, как струна:

— Глубина не твоя. Камень не твой. Страх не твой. Ты лишь то, что поднимается там, где свет забывают. Но я не дам забыть.

Из недр пришёл тяжёлый хохот Куль-отыра.

— Не дашь? А чем ты запечатаешь меня, небесный? Словом? Молнией? Гневом?

Нуми-Торум ответил:

— Не гневом. Светом.

Вот здесь, дочка, слушай особенно внимательно. Потому что дальше — самое главное. Не просто битва силы с силой. Нет. Здесь тьма впервые встретилась с божественным порядком.

Нуми-Торум снял с себя пояс.

Небесный Пояс был соткан из такого света, какого человек не знает. В нём был холод звёзд и жар первого закона — той поры, когда мир только учился не распадаться. По нему горели самоцветы — как живые узлы великой меры. В каждом жил отблеск небесной воли. В каждом — частица того света, что умеет не только сиять, но и устанавливать предел.

Нуми-Торум поднял пояс над головой.

И сказал:

— Пусть здесь будет рубеж.

Небо замерло.

— Пусть тьма останется внизу.

Воздух натянулся.

— Пусть свет станет законом этой земли.

И он бросил пояс на каменную спину мира.

Удар был такой, что его до сих пор помнит каждая жила в горах. Божественная мера сошла на камень и вошла в него так, что сама порода вспыхнула изнутри. Руда в недрах загорелась. Земная тяжесть встретилась с небесным светом — и покорила его. Камень затвердел. Глубина содрогнулась. Тьма отпрянула.

И тогда Куль-отыр закричал от того, что свет прижал его к самой нижней границе мира.

— Нуми-Торум! — глухо прогрохотал он из-под земли. — Это не конец! Люди забудут! Люди ослепнут! Люди сами откроют мне путь!

И Нуми-Торум ответил так тихо, что от этого ответа стало страшнее, чем от любого крика:

— Пока в этом хребте живёт мой свет, ты будешь помнить свой предел.

— Они предадут его!

— Не все.

— Они захотят взять больше меры!

— Тогда горы напомним.

— Они назовут силу своей!

— Тогда свет обожжёт их гордыню.

— Я вернусь!

И тогда Нуми-Торум произнёс последнее:

— Возвращаются только туда, где не осталось печати. А здесь останется мой свет.

После этих слов Небесный Пояс вжался в каменную спину земли так глубоко, будто сам стал её несущей жилой. Хребет затвердел. Простёрся от севера к югу. Встал рубежом — неподвижным, крепким, неуступчивым. А тёмная сила Куль-отыра ушла вниз — глубже, ниже, под тяжесть божественной печати.

Так родились эти горы.

Те самые, что позднее люди назовут Уралом.

Но на этом всё не кончилось. Потому что там, где небесный свет вошёл в землю и победил тьму не разрушением, а порядком, произошло ещё одно чудо. Из жара и камня поднялось сияние. Сначала просто свет — золотой, тихий, ровный, будто в воздухе над раскалённой породой встала живая заря. Потом в этом свете проступил облик. Женский. Высокий. Строгий. Будто сама глубина, очищенная светом, обрела лицо.

Она стояла на хребте, озарённая и небом, и ещё не остывшим камнем. Волосы её отливали тёмной медью. Лицо было прекрасно и сурово — так бывает с правдой, которую не каждый способен вынести. В её взгляде было и небо, и земля сразу. И потому долго смотреть на неё никто бы не смог.

Шаман прикрыл глаза, будто и сам видел её перед собой.

— Я ещё живым спрашивал о ней стариков, — сказал он. — И один, самый древний, ответил мне у костра. Я спросил его: зачем она явилась? А он сказал: чтобы свет не остался только в ударе. Чтобы он остался в памяти.

Её называли по-разному.

Кто-то видел в ней небесную мать. Кто-то — золотую стражницу. Кто-то — саму силу света, вставшую на границе миров. Но как ни назови, суть одна: она стала живой памятью о том дне, когда свет здесь установил порядок.

Она оглядела ещё горячие горы и сказала:

— Я останусь.

Ветер спросил:

— Зачем?

Она ответила:

— Чтобы печать света не ослабла.

— А если люди забудут?

— Тогда горы скажут за меня.

— А если тьма опять поднимется?

Она посмотрела в глубину и сказала:

— Она упрётся в свет, который уже вошёл в камень.

Так явилась Золотая Хранительница.

Если хочешь, зови её Золотой Бабой. Если хочешь — Сорни-Най. Имён у древнего много. Но дело не в имени. Дело в том, что с той поры в этих горах поселилась не только сила удара: мужская, прямая, как молния. Здесь осталась и другая сила — женская, тихая, сторожевая, неотступная. Сила света, который не даёт миру расползтись обратно во тьму.

После этого Нуми-Торум долго стоял на хребте. Смотрел на затвердевший камень. На руду, спрятанную в глубине. На огонь, который отныне спал внутри гор. На золотую стражницу у рубежа миров. И понял: такое место нельзя оставлять пустым.

Тогда он призвал духов предков — тех, кто умел слышать воду в камне, отличать добрый огонь от злого, чувствовать меру между тем, что можно взять, и тем, к чему нельзя тянуть жадную руку.

И сказал:

— Здесь будут жить особые люди.

Небо спросило:

— Какие?

— Те, кто поймут: металл — не просто добыча. Те, кто увидят в руде застывший небесный свет. Те, кто будут работать с огнём не как с пленником, а как с живой силой. Те, кто не забудут, что всё великое здесь началось с победы света над тьмой.

Так появился народ Каменного Пояса. Люди, которым надлежало слушать землю. Разводить огонь с уважением. Брать из камня не жадность, а мастерство. Помнить, что каждый человеческий горн — лишь позднее, слабое повторение того первого небесного удара, когда Нуми-Торум установил здесь меру.

Шаман взглянул на меня искоса, будто заранее знал, какой вопрос шевельнётся у меня в груди.

— Ты хочешь спросить: правда ли это?

Я не ответила. Он усмехнулся одними глазами.

— Люди всегда задают этот вопрос, когда боятся признать: легенда иногда знает о земле больше, чем бумага.

Он протянул руку к пламени, поворошил уголёк.

— Ну, посуди сама. Горы стоят? Стоят. Камень в них держит силу? Держит. Тьма так и не поднялась из глубины во всю свою силу? Не поднялась. Почему? Потому что однажды здесь остался свет. Остался как закон. Как мера. Как печать.

Огонь стал ниже. Лицо шамана уходило в сумрак.

— И запомни главное, дочка, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Именно свет лёг на каменную спину земли, именно свет удержал мир от распада, именно свет придавил Кульотыра в глубине. И с той поры весь Урал стоит не просто как хребет, а как печать Нуми-Торума — печать света, которой запечатана тьма.

Он помолчал, и последние слова его легли в тишину тяжело, как камень в воду:

— Потому и горы эти священны. Потому и сила их страшна для пустого сердца. Потому и Тагил не случаен. Он вырос там, где однажды небо не просто коснулось земли, а навсегда оставило в ней свой свет.

Он умолк ненадолго, а потом заговорил уже иначе — как тот, кто подводит к следующему порогу.

— И не думай, что я рассказываю тебе это просто про Урал. Я веду тебя к новому кругу памяти. Нижний Тагил вырос на той самой каменной спине, которую однажды удержал Небесный Пояс. Всё, что будет дальше, — железо, заводской жар, плотины, рудники, горнозаводские люди, их тяжёлый труд, их упрямство, их любовь, их беда, — всё это уже было здесь зерном. Всё выросло из той первой силы, что вошла в камень.

Потому, сперва пойми основание. А уж потом слушай сам Тагил. Урал — это пояс. Пояс держит. Собирает. Не даёт миру расползтись. Потому и люди здесь рождаются такие: упрямые, крепкие, не всегда лёгкие, не всегда ласковые, зато со светом и каменной жилой внутри. В них живёт память о той породе, что выдержала удар неба и не рассыпалась, а засветилась изнутри.

Настоящая сила всегда рождается на встрече двух начал. Высоты и глубины. Жара и меры. Воли и памяти. Потому Урал держит. Он помнит.

Под утро шаман всегда говорит тише. Будто слова уже не сходят с губ, а догорают, как угли.

— Теперь спи глубже, — сказал он. — Я ещё приду. Раз уж начал вести — доведу. Ты уже слышала Лаю. Слышала Черноисточинск. Слышала Качканар. Теперь пора слушать Тагил. Огонь здесь не случаен. И всё, что люди потом назовут силой металла, началось не с заводов.

Огонь дрогнул. Тишина стала тоньше.

И я поняла: легенды Нижнего Тагила начались.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Историческая основа легенды

Урал представляет собой протяжённую горную систему, вытянутую с севера на юг более чем на 2000 километров. Такая конфигурация действительно делает образ «каменного пояса» географически закономерным и объясняет устойчивость подобных метафор в описании региона. [документально подтверждено]

С геологической точки зрения Уральские горы относятся к древним складчатым структурам, сформировавшимся в результате длительных тектонических процессов. Следовательно, мотив древней силы, заключённой в камне и глубине, может рассматриваться как художественное осмысление реальной геологической истории региона. [документально подтверждено]

Урал исторически является одним из важнейших горнорудных районов. Здесь сосредоточены месторождения железных и медных руд, золота, хромитов, платиноидов и других полезных ископаемых, что имеет прямое отношение к формированию образов «внутреннего огня», металла и скрытой силы гор. [документально подтверждено]

Историческое развитие Нижнего Тагила непосредственно связано с горнозаводским освоением Среднего Урала. Нижнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод был основан Демидовыми в 1725 году, и с этого времени город становится одним из значимых центров металлургии. [документально подтверждено]

Высокогорское железорудное месторождение сыграло важную роль в промышленной истории Нижнего Тагила. По имеющимся историческим данным, его разработка началась в 1721 году, а сырьевая база месторождения стала одним из факторов развития местной металлургии. [документально подтверждено]

На южном склоне горы Высокой находилось Меднорудянское месторождение, известное запасами медной руды и малахита. Его разработка действительно связана с историей уральского горного дела и минералогическим богатством Тагильского Урала. [документально подтверждено]

Образ Нуми Торума имеет опору в традиционной мифологии манси. В этнографических источниках он зафиксирован как одно из центральных божеств мансийской религиозной системы. [документально подтверждено]

Представление о Верхнем, Среднем и Нижнем мирах относится к подлинным элементам традиционной картины мира манси. Поэтому использование в легенде мотивов небесной силы, земного пространства и подземной глубины соотносится с реально существовавшей мифологической моделью. [документально подтверждено]

Сведения, опубликованные, но не подтверждённые полностью

В опубликованных научно-популярных и краеведческих материалах образ Урала как «пояса земли», разделяющего и одновременно соединяющего пространства, встречается достаточно часто. Однако документально установить единый первоисточник именно этого конкретного легендарного сюжета затруднительно. [опубликовано, но требует подтверждения]

В краеведческих и музейных публикациях Меднорудянское месторождение нередко рассматривается не только как промышленный объект, но и как важный элемент символического образа Тагильского Урала — пространства металла, камня и самоцветов. [опубликовано, но требует подтверждения]

В ряде публикаций и пересказов встречается сопоставление образа Золотой Хранительницы с образом Золотой Бабы и другими сакральными женскими фигурами североуральской и западносибирской традиции. [опубликовано, но требует подтверждения]

Вывод

Документально подтверждённую основу легенды составляют географические и геологические особенности Урала, его рудное богатство, история горнозаводского освоения Среднего Урала, роль Нижнего Тагила в металлургическом развитии региона, а также наличие в мансийской мифологии образа Нуми Торума и трёхчастной модели мира. [документально подтверждено]

К области опубликованных, но недостаточно подтверждённых сведений относятся отдельные интерпретации символики Урала как «пояса земли», культурные сопоставления Золотой Хранительницы с иными северными образами и ряд обобщающих выводов о сакральном восприятии горного пространства. [опубликовано, но требует подтверждения]

Таким образом, легенда опирается на реальную историко-культурную и природную основу, однако её сюжет и образный строй относятся к сфере мифологического осмысления места. [легенда / устное предание]

ЛЕГЕНДА ВТОРАЯ

Как Золотая Хранительница выбрала гору и оставила в ней свою силу

Он пришёл ко мне в эту ночь ещё до сна.

Так бывает перед встречей с чем-то древним: ты ещё лежишь в своей постели, ещё видишь край стола, бледный прямоугольник окна, тёмный проём двери, но всё вокруг уже чуть отступает, будто мир не исчезает, а только снимает с себя дневную кожу. Остаются стены, воздух, тишина — и вдруг во всём этом меняется глубина.

Я открыла глаза.

Темнота в комнате стояла неподвижно, но уже не по-домашнему. В ней появилась старая густота, какая бывает не в человеческом жилье, а в лесной чаще перед рассветом — у чёрной воды, возле скального провала, где даже шёпот кажется лишним. Воздух стал холоднее. Тяжелее. Древнее.

И я сразу поняла: он рядом.

Вслед за этим в тишине открылось пламя — именно открылось, как открывается проход между тем, что помнят люди, и тем, что хранит земля. По ту сторону огня уже сидел старый шаман.

В прошлый раз он был похож на свидетеля — на того, кто видел великий первый удар издали и пронёс память о нём сквозь века. Теперь лицо его стало темнее, глубже, неподвижнее. Он пришёл говорить о силе, чьё имя не любят произносить в полную ночь.

Я медленно села. Он не поднял глаз. Смотрел в середину пламени, туда, где красный жар переходил в белёсое, почти бесцветное сердце огня. Потом заговорил:

— Ты уже слышала, как небо легло на землю тяжёлым поясом. Слышала, как Урал стал границей между силами. Знаешь и то, что первый удар не исчез. Он ушёл в глубину — в руду, в камень, в жар, в ту великую тяжесть, которую люди потом назовут богатством и решат, будто поняли её. Но после удара осталось ещё кое-что.

Осталась память. А память не любит лежать безликой. Не любит быть просто следом. Великой силе нужен лик. Глубине — голос.

Когда Небесный Пояс лёг на каменную спину мира, многое встало на своё место. Земля затвердела. Хребет окреп. Глубинный жар ушёл вниз и затаился. Металл проснулся в камне. Горы налились тяжестью...

Но великое касание оставило после себя не только жар. Оно оставило память о соглашении неба и земли. Так впервые явилась Золотая Хранительница — как живая печать на месте великого соединения.

И чтобы сохранить силу этой печати Золотая Хранительница отправилась в путь.

Она шла туда, куда ее звала сама земля. К горе. К той, что ждала её ещё с тех времён, когда небесный удар только входил в каменную плоть мира. К той, где железо лежало так близко к поверхности, словно сама глубина уже устала скрывать свою силу. К той, над которой воздух был тяжелее, трава темнее, а тишина тревожнее, чем в других местах. К той, которую потом назовут Высокой.

Времена были такие древние, что даже лес тогда стоял иначе. Деревья росли не рощами, а молчаливыми соборами. Рекам никто не навязывал русел. Камни лежали так, как их положила внутренняя воля земли. Зверь и человек ещё не до конца разошлись по разным мирам и порой

смотрели друг на друга без той пропасти, что пролегла между ними потом. Золотая шла через Каменный Пояс. Там, где она проходила, воздух делался плотнее. Птицы смолкали прежде, чем успевали увидеть её. Лошади рвали поводья. Собаки ложились на землю и скулили в пустоту. На камнях долго держалось тёплое золотое сияние.

Шла она долго. Через леса, где и днём стояла сумрачная зелень. Через каменные седловины, где ветер пах голой породой. Через ручьи, чья вода была такой чёрной, будто ночь в них не отражалась, а жила. Через старые святилища, покинутые людьми, но не до конца оставленные теми силами, к которым люди когда-то приходили с дарами.

По-разному люди называли ее. Кто-то звал ее Золотой Бабаой, кто-то смеялся и не верил в нее. Мой народ называл — Сорни-Най.

Где-то её превозносили как святыню. Где-то прятали от чужих глаз. Где-то укрывали в лесных святилищах. Женщины зажимали детям рты, если те спрашивали слишком громко. Мужчины, уходя на промысел, клали ладонь на камень и просили только об одном: не встретить её без внутренней чистоты. Не всякий выдерживал взгляд той, в ком небесный свет сплелся с тяжестью земли.

Но всякая большая сила, дочка, идя к своему месту, проходит через испытание. И не всегда это испытание — буря, зверь или голод. Иногда ей навстречу выходит тот, кто однажды перепутал дар с правом владеть.

На том северном перевале жила женщина, и в юности своей она была сильная не пустой силой. Она слышала гору. Чуяла, где камень дышит недобро, а где просит тишины. Могла по дрожи подвесок понять, какой дух подошёл ближе. Могла встать у тропы и отвести беду от охотника, если беда ещё не успела войти в его кровь. К ней шли не из одного лишь страха — шли и потому, что она действительно умела помогать.

Такие люди особенно уязвимы. Потому что тьма редко начинает с откровенной мерзости. Сначала она льстит. Говорит сильному: ты не как прочие. Ты больше. Ты достойнее. Тебе мало просто служить. Ты сама можешь повелевать.

Однажды на том перевале случилась зима тяжёлая, длинная, злая. Люди мёрзли. Зверь уходил. Дети в стойбищах болели. Мужчины возвращались с промысла с пустыми руками. И женщина эта — тогда ещё не испорченная до конца — стала просить у духов помощи. День просила. Второй. Третий. Но горы молчали. Небо было глухо. Верхние силы не отвечали быстро — они вообще не любят спешки, когда человек просит не из благодарности, а из отчаяния. А отчаяние — это такая трещина, через которую тьма очень любит входить.

В ту ночь она ушла одна туда, где под перевалом начинался каменный провал. Место было старое, недоброе. Даже летом в нём держался холод, будто из глубины шёл не воздух, а чьё-то терпеливое ожидание. Там она впервые позвала тьму Куль — отыра.

Того, кто лежит внизу и не всегда рвётся вверх силой. Иногда ему достаточно, чтобы человек сам приоткрыл ему дверь. Она не кричала заклинаний, как любят сочинять пугливые люди. Самые страшные сделки совершаются почти шёпотом. Она сказала:

«Дай мне силу удержать это место. Дай мне власть над теми, кто приходит сюда. Дай мне быть не служительницей, а хозяйкой».

И нижний ответил. Из трещины пошёл жар — медленный, вязкий, тяжёлый. Так дышит глубина, если ей позволили подняться слишком близко. Камень под её ногами стал мягче, воздух — гуще, а в голове у неё зазвучали слова, которые кажутся сильному лаской, а на деле уже являются порчей.

— Ты достойна большего. Это место слишком долго ждало настоящую хозяйку. Почему ты должна просить, если можешь брать? Почему должна служить, если можешь владеть?

Человек редко понимает миг своего окончательного согласия. Ему кажется: я всего лишь приняла помощь. Всего лишь взяла силу. Всего лишь перестала быть слабой. Но тьма не требует сразу всего. Она входит частью — а потом уже начинает перестраивать душу под себя.

Куль-отыр дал ей то, о чём она просила. Усилил слух. Углубил чутьё. Сделал так, что местные духи стали отзываться ей быстрее. Люди вокруг увидели это и испугались ещё больше. Ей начали нести больше даров. Её имя стало тяжелее. Её слово — страшнее. И вот тогда вместе с силой в неё вошло главное заражение.

Сначала она ещё думала, будто всё это — ради места. Потом — что место держится на ней. Потом — что без неё горы ослепнут. А потом уже и вовсе решила: перевал принадлежит ей.

Падение сильных редко начинается с явной подлости. Оно начинается с присвоения того, что тебе было дано лишь на время и лишь на служение.

А перевал тем временем менялся. Ветер там стал ходить кругами, будто не мог найти прямой дороги. Камни чаще осыпались со склонов. Птица старалась подняться выше, не касаясь того места крылом. Охотники, даже крепкие, задерживались у входа на седловину и чувствовали необъяснимую тяжесть — не страх зверя, не опаску перед стужей, а что-то иное: будто сама земля там утратила правильную меру. Потому что, когда гордыня укореняется в месте силы, она отравляет не только душу — она начинает кривить и пространство вокруг себя.

Шаманка стояла там много зим. И чем дольше стояла, тем меньше в ней оставалось живого смирения. Она уже не спрашивала у духов, можно ли. Она велела. Не просила силу — тянула её. Не благодарила место — требовала от него подтверждения собственной власти. И Куль-отыру того только и нужно было. Через её гордыню он всё глубже пускал свою тёмную силу в камень перевала.

Вот почему то место и стало тяжёлым задолго до поздних людских бед. Не стужа сделала его страшным. Не ветра. Не смерть, случившаяся там спустя века. Раньше этого в перевал вошло и осталось другое: окаменевшая гордыня, подпущенная к священной границе.

Люди позже назовут его перевалом Дятлова. Дадут ему имя по своей беде. Будут ходить вокруг него с догадками, страхами, версиями, спорами. Но гора старше их слов. И знающие помнили другое: то место стало опасным ещё в те времена, когда сильная женщина решила, будто вправе заслонить собой путь свету.

И вот к этому месту подошла Золотая. В тот вечер перевал стоял особенно тихо. Ни зверя, ни крика птицы. Ветер шёл по кругу, будто не решался первым коснуться тропы. Каменные глыбы на склонах лежали так, словно их когда-то в ярости швырнула сама гора. И посреди этой тяжёлой седловины уже ждала шаманка.

На ней была меховая накидка, тяжёлая от подвесок. На груди — знаки силы. В одной руке — бубен. В другой — посох, обвитый сухими корнями. Но страшнее одежды было другое: вокруг неё и воздух уже не жил свободно. Он был стянут её волей, её страхом, её гордыней. Такие люди думают, что стоят прямо сами, а на самом деле уже держатся тем нижним жаром, который вошёл в них из глубины.

К вечеру у входа в её святилище сами собой закачались подвески. Огонь в чаше вспыхнул не красным — золотым. Собаки легли мордами в землю и заскулили. Она ударила в бубен, чтобы спросить духов, кто идёт через перевал. Но ответ пришёл не сверху — снизу. Глухой. Тяжёлый.

И Куль-отыр шепнул ей в сердце:

«Не пусти. Если она пройдёт — твоей власти конец. Если она пройдёт — свет отнимет у тебя всё, что ты назвала своим».

И тогда из сумерек вышла Золотая. Она шла так, будто сама дорога вспоминала под её ногами, зачем когда-то была проложена. Возле неё воздух становился чище, тоньше, старше.

Камни, на которые падал её свет, словно просыпались. Она не торопилась. И от этой неторопливости делалось ещё страшнее — тому, в ком уже жила ложь.

Шаманка ударила в бубен. Удар метнулся по перевалу, разбился о скалы и вернулся глухим эхом.

— Стой! — крикнула она. — Дальше не пойдёшь!

Золотая остановилась.

Второй удар прозвучал сильнее.

— Это мой перевал. Мои вершины. Мои духи. Мои тропы. Я здесь стою много зим. Я знаю здесь каждый камень. Назад иди!

Золотая долго молчала. И в этом молчании было столько меры, что вся злость шаманки уже казалась болезнью.

Потом Хранительница сказала:

— Не твой.

После этих слов ветер над перевалом осел и лёг ниже, словно даже он признал правду. Шаманка выпрямилась ещё сильнее. Подвески на груди зазвенели резко, зло.

— Я хозяйка здесь!

И тогда Золотая произнесла тише прежнего:

— Нет. Ты лишь та, кто впустила тьму на этот порог.

Говорят, в тот миг дрогнула земля под ногами шаманки. Потому что эти слова услышала не она одна. Их услышал перевал. Услышали северные склоны. Услышала сама гора. И глубина, из которой когда-то поднялся Куль-отыров жар, тоже услышала.

Но гордыня никогда не отступает сразу. До последнего надеется перекричать истину. Третий удар бубна пришёлся уже в ярость. Кожа на нём треснула по краю. Посох дрогнул в руке шаманки. И вместе с её криком из глубины перевала будто тоже рванулось что-то нижнее — то самое, с чем она когда-то торговалась в каменном провале.

— Не тебе быть здесь! — закричала она. — Не тебе нести сюда свой свет! Не тебе владеть этой силой!

И тогда Золотая подняла лицо.

То, что случилось потом, люди позже назвали по-разному. Кто-то сказал бы: удар ветра. Кто-то: горный гул. Кто-то: разрыв воздуха. Но это было не то и не другое. Это свет первой меры коснулся места, заражённого гордыней. Сами горы на одно страшное мгновение вспомнили тот первый день, когда небо однажды легло на них великой тяжестью и установило рубеж между верхним и нижним.

Воздух разорвался. Скалы загудели. Далёкие каменные спины ответили эхом. Зверь лёг в распадах. Птица сорвалась с высоты. И ветер пропал.

Сила, которую шаманка приняла за свою, оставила её. Но вышла не чисто — вырывая из неё всё, что ещё могло бы остаться живым. Она подняла руки к лицу, хотела заслониться, хотела удержать прежний облик, но уже не могла. Кожа стала бледной, тяжёлой, серой. Волосы вытянулись каменными прядями. Подвески вросли в грудь неровными выступами. Лицо застыло в том самом миге, где гордыня ещё не верит в поражение, а кара уже началась.

Так и осталась на том северном перевале каменная женщина. Окаменевшая гордыня у чужого порога.

Потому и место это потом не отпускало человеческий страх. Потому и шли вокруг него слухи, тягостные предчувствия, тяжёлые догадки. Потому и поздняя беда, случившаяся там, только наложилась на более древнюю тень. Не всё страшное рождается в одну зиму. Иные места копят свою тяжесть веками.

Перевал Дятлова до сих пор страшен для людей. Место помнит, как человек, заражённый нижней гордыней, однажды попытался не пустить туда свет.

Золотая пошла дальше. После северного перевала её ждала Высокая. Три дня и три ночи шла она вверх, туда, где лес редееет, где корни уже неохотно держатся за землю, потому что под ними начинает дышать железная тяжесть. Там трава была с рыжиной, будто из глубины к ней поднимался невидимый жар. Сама почва стояла напряжённой. Охотники, видевшие Золотую издали, потом рассказывали: ночью рядом с нею не было огня, но и темнота возле неё не была полной. Вокруг разливался мягкий золотистый сумрак, будто сама ночь рядом становилась тоньше. Иногда она клала ладонь на скалу, и гора отвечала. Она искала то место, куда можно вложить память света так глубоко, чтобы та жила веками.

В этой горе почти у самой поверхности лежало железо. Она была полна скрытой силы до того, что даже птицы, пролетая, меняли над нею круг. В ней уже жил характер будущего. В ней уже собиралась судьба.

На рассвете Золотая Хранительница поднялась на вершину. Ветер там ходил широко и холодно. Небо висело так близко, что казалось: ещё немного — и между ним и горой снова случится великое касание, от которого всё началось. Внизу лежали леса, реки, будущие дороги, ещё не названные людьми. А под её ногами гудела глубина.

Она встала на вершине и осталась там. Один день. Второй. Третий. Не склоняя головы. Не отводя взгляда. Она смотрела на четыре стороны света так, как смотрит сила, принимая в себя будущее. На север — туда, где память ещё долго будет жить в шёпоте лесных святылец. На юг — откуда придут люди власти и железного дела. На запад — где будут ждать металл, не зная, чьим дыханием он согрет. На восток — где тишина гор ещё долго сохранит самое древнее.

Охотники, укрытые далеко внизу, видели, что к третьему дню вершина изменилась. На третью ночь Золотая опустилась на колени. Перед ней стояла чаша. Будто сама вышла из встречи неба и горы. Серебряная. Тяжёлая. С тусклым лунным отливом по краю. В чаше смешались свет и тяжесть, глубина и отражение, женская тайна и воля камня. Одни говорили, что там был прах древнего святилища. Другие — что ртуть земли. Третьи — что истолчённый свет первой звезды над Уралом. Но скажу тебе так: в ней было то, чем память можно скрепить с местом.

Золотая держала чашу обеими руками долго. Потом сказала:

— Здесь будут искать силу. Здесь будут брать огонь из недр. Здесь будут поднимать металл, не всегда понимая, чьим дыханием он согрет. Здесь не будут забывать меру. Здесь будут трудиться до крови и до славы.

После этих слов она перевернула чашу. И всё, что было в ней, ушло в камень. Но, самое важное не всегда остаётся невидимым. Осталась мягкая сила металла. Особая добротность железа — то свойство, которое мастер узнаёт рукой, хоть словами и не объяснит. Осталась печать. Осталась память горы.

Потом шли века. Менялись народы. Память рассыпалась на шёпоты, запреты, обрывки песен. О Золотой говорили разное. Кто-то клялся, что видел её след на снегу. Кто-то слышал звон у пустого капища. Кто-то рассказывал о золотом лике, мелькнувшем между елей на закате. Кто-то искал её как клад — и возвращался либо ни с чем, либо уже не тем человеком, каким уходил.

А потом пришли другие люди — те, что шли с приказом, мерой, чертежом, домной, киркой и расчётом. Их интересовала не тайна — руда. Но земля и над ними оказалась мудрее. Они думали: мы нашли. А им только позволили подойти. Думали: взяли. А им выдали лишь ту часть, которую гора согласилась поднять на свет. Думали: это богатство. А это была судьба.

Они пришли туда, где память уже была вложена в железо. Туда, где металл однажды благословили. Туда, где характер будущего был запечатан ещё до человека.

Я долго молчала. Перед глазами стояло всё сразу: первый удар, золотой лик, северный перевал, окаменевшая шаманка, вершина, чаша, невидимо уходящий дар, железо, в котором живёт память.

Наконец я спросила:

— Значит, Нижний Тагил вырос там не только потому, что там была руда?

— Вот. Теперь ты слышишь.

Шаман подался вперёд.

— Руды в земле много. Гор — тоже. И мест, где можно поставить печь, немало. Но не везде из железа вырастает судьба. Потому и люди здесь сложились особые. Терпеливые. Крепкие. Упрямые. Из тех, кто умеет жить рядом с тяжёлой судьбой и не отводить глаз. Но есть у этой земли и другая правда — та, которую поняли слишком поздно. Всякий дар, который берут слишком долго, однажды начинает спрашивать цену.

Сначала человеку кажется: гора неисчерпаема. Потом — что велика. Потом — что хватит ещё надолго. А потом он перестаёт видеть в ней гору и начинает видеть только запас. Цифру. Рудное тело. То, что можно вынуть, увезти, переплавить, пустить в дело. Вот тогда он и перестаёт слышать, с чем говорит.

Высокой почти не осталось в том виде, в каком её знали века. Её вскрывали. Резали. Вынимали из неё железное сердце — пласт за пластом, жилу за жилой. Люди уходили в неё всё глубже, пока сама гора не стала уже не горой, а воспоминанием о горе. Но не думай, будто вместе с рудой они вынули из неё и всё остальное. Люди вынули из неё тело. Но не вынули печать. Не вынули память Хранительницы. Потому даже там, где вместо вершины осталась рана, земля всё равно знает, кем была.

Место может быть выбрано небом. Может быть отмечено Хранительницей. Может принять в себя память. Может веками хранить железо. Может почти всё отдать человеку — до последнего рудного дыхания. После священного выбора всегда приходит человеческая судьба.

Пламя дрогнуло в последний раз.

Тень его истаяла. Вместе с ней ушли последние отблески ночного огня. И только просыпаясь, я вдруг поняла: сердце Высокой больше не бьётся так, как прежде, — потому что его вынули из горы и пустили в огонь человеческой истории. Но память о её выборе не ушла. Она осталась в Тагиле — в его тяжести, в характере, в судьбах людей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Историческая основа легенды

По имеющимся документальным и опубликованным данным, образ Золотой Бабы действительно известен в северной традиции и упоминается в письменных источниках раннего Нового времени [документально подтверждено].

Документально подтверждено, что гора Высокая была одним из важнейших железорудных месторождений, связанных со становлением Нижнего Тагила и развитием местной металлургии. Многолетняя разработка руды существенно изменила первоначальный облик горы. Историческая традиция также связывает тагильское железо с высоким качеством, а Высокогорскую руду — с особой значимостью для местного металлургического производства. Документально подтверждено и то, что позднее Качканар стал новой крупной сырьевой базой уральской металлургии [документально подтверждено].

Сведения опубликованные, но подтверждённые не полностью

В опубликованных описаниях Золотая Баба предстаёт как идол, святыня, скрываемый сакральный образ или предмет поклонения, связанный прежде всего с североуральским и приобским пространством [опубликовано, но требует подтверждения].

В более поздних интерпретациях этот образ соотносят с обско-угорской религиозной традицией и иногда сближают с именем Сорни-Эква [опубликовано, но требует подтверждения].

В опубликованных источниках и позднейших пересказах встречается устойчивый мотив сокрытия святыни: Золотую Бабу уводят, прячут или скрывают от тех, кто стремится завладеть ею как добычей, а не как святыней. Однако прямого документального подтверждения конкретных маршрутов, мест сокрытия и локальных привязок этого сюжета не выявлено [опубликовано, но требует подтверждения].

К этой же группе относятся публикации и локальные пересказы о «магнитном» или «притягательном» характере горы Высокой, который осмысливается не только как свойство рудного месторождения, но и как особое качество самого места [опубликовано, но требует подтверждения].

В поздних краеведческих и мифологизирующих интерпретациях североуральского пространства присутствует символическое сближение образа Хранительницы с районом перевала Дятлова и горы Холатчахль, известной в популярном пересказе как «Гора мертвецов». Подобные сопоставления строятся не на документально установленной исторической связи, а на сходстве мотивов — труднодоступного перевала, сакральной границы, опасного горного пространства и присутствия силы, которую человек воспринимает как чужую и древнюю [опубликовано, но требует подтверждения].

К этой же группе относятся литературные и краеведческие версии о возможной встрече шаманки и Хранительницы на перевале как о мифопоэтическом сюжете, объясняющем переход или сокрытие сакральной силы в горах [опубликовано, но требует подтверждения].

Вывод

Исторически установленными можно считать следующие положения: образ Золотой Бабы действительно известен по письменной северной традиции; гора Высокая сыграла важную роль в становлении Нижнего Тагила; её облик был существенно изменён длительной добычей руды [документально подтверждено].

К опубликованным, но недостаточно подтверждённым сведениям относятся конкретные интерпретации образа Золотой Бабы как обско-угорской святыни в локальной тагильской при-

вязке, мотивы сокрытия святыни в определённых местах, представления о «магнитном» характере горы и символическое сближение образа Хранительницы с районом перевала Дятлова и горы Холатчахль, известной в популярном пересказе как «Гора мертвецов» [опубликовано, но требует подтверждения].

Таким образом, легенда опирается на реальную историческую и географическую основу, но её ключевые драматические и сакральные элементы относятся не к установленным фактам, а к сфере мифологической интерпретации места.

ЛЕГЕНДА ТРЕТЬЯ

Как скрытый свет камня стал родом

В тот вечер сон долго не приходил.

Дом уже стих. За окном улеглись последние звуки — где-то скрипнула калитка, ветер прошёлся по тёмным ветвям и тоже словно притих. Но внутри меня тишина не становилась легче. Напротив — сгущалась, делалась тяжелее, глубже. Будто ночь шла не сверху, не от неба, а поднималась снизу.

Так всегда бывало перед его приходом.

Сначала менялся воздух — в нём становилось меньше домашнего, меньше обыкновенного. Потом тьма в углах собиралась плотнее, будто стены отходили дальше, а всё человеческое делалось тонкой оболочкой над чем-то очень древним. И только после этого в темноте открывался огонь.

Старый шаман уже сидел по ту сторону пламени. Как всегда. Так, будто ждал меня там задолго до того, как я сама добралась до сна. Он долго молчал. Смотрел в самую сердцевину огня, туда, где красный жар переходил в почти бесцветное, белёсое дыхание пламени. И мне вдруг показалось, что он смотрит не просто на костёр, а в самую суть всего, о чём ещё будет говорить. Потом он протянул ладонь над жаром и сказал:

— Ну вот, дочка. Ты уже знаешь, как небо однажды легло на каменную спину земли. Слышала, как первый удар разбудил огонь в руде. Знаешь и то, что здешняя сила начинается не с печи и не с человеческой руки. Она была здесь прежде. Жила в камне. Спала в глубине. Ждала. Но сегодня говорить будем о другом — о том, как человек подошёл к камню и что в нём увидел.

Пламя тихо щёлкнуло.

— Настоящий мастер сперва должен понять: в камне скрыт свет. Внутренний. Плотный. Тот самый свет, который держит порядок, когда мир хочет распасться. Огонь должен был этот свет высвободить. А металл — принять на себя его печать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.